

ПРАВО НА ЗАЩИТУ ОТ ПРОГРЕССА

Борис Капустин

Борис Капустин – российский политический философ, доктор философских наук, руководитель Центра политической теории, главный научный сотрудник Института философии РАН, приглашенный профессор Йельского университета (США).

Понятие «прогресс», по выражению Уолтера Галли, является «сущностно оспариваемым». Оно *необходимым образом* включено в разные политико-идеологические проекты, а потому *не может не иметь* различных интерпретаций.

Как точно заметил Даниэль Берто (РЖ: Тема недели, 2010, № 4, с. 20), «сегодня ни один реакционер никогда не скажет, что он таковым является». «Прогрессисты» все. Как и «демократы». Или «сторонники свободы». Хотя все это говорит лишь о *необходимой* вовлеченности в спор о «прогрессе» («демократии», «свободе» и т. д.), а отнюдь не о конкретной направленности политики тех или иных групп «прогрессистов». О том же свидетельствует и развенчание «прогресса» постмодернистами – «прогресс», конечно же, не стоило бы развенчивать, если бы он не был *неустранимой* темой

современного дискурса. Об устранимых темах *забывают*, и это, несомненно, самый надежный способ их преодолеть. С «прогрессом» такой способ явно не срывает.

Далее. Сколь бы многообразны и даже противоположны ни были современные интерпретации «прогресса», они способны опознать друг друга в качестве участников одного и того же спора, т. е. спора о *едином предмете*. Но искомым «единым предметом» никак нельзя найти в качестве общего знаменателя современных интерпретаций «прогресса» – слишком далеко они разошлись и слишком содержательно тощим был бы такой общий знаменатель, чтобы что-то нам объяснить в логике нынешнего спора о «прогрессе». Остается лишь «генеалогически» найти ту *отправную позицию спора*, отталкиваясь от которой, критически возвращаясь к которой и даже развенчивая которую самоопределяются современные интерпретации «прогресса» – даже в столь основательно мутированной, если не сказать – дегенерированной и выхоленной, форме, какую являют, скажем, концепции «модернизации». Таким путем мы и двинемся.

Тони Джадт, несомненно, прав, отмечая «тяготение» **концепции «прогресса» к «левой идее»** – хотя бы в аморфном ее понимании как *критического* отношения к статус-кво и несводимости *моральных* оценок общественных явлений к соображениям экономической эффективности или аргументам в духе *raison d'etat*: в нынешних условиях это обычно подразумевает критику идеологии и практики «свободного рынка», ту или иную версию социал-демократической политической ориентации и т. д. (См. РЖ, 2010, № 4, с. 16).

Позднейшая история обнаружила глубочайшие парадоксы и

даже антиномии практики «прогресса». Она выявила неотделимость «прогресса» (в одном аспекте) от «регресса» (в другом), освобождения (одних и в одних отношениях) от подчинения (других и в других отношениях). Она показала неустранимую ограниченность «разума» и его *предвзятость* (в отношении не только чего-то, но и кого-то). Великими трагедиями и периодами «застоя» (не только советского, но западного, которому один современный философ-юморист дал название «конца истории») она опровергла веру в свою телеологическую направленность к плато процветания и социальной гармонии.

Если идея и практика «прогресса» столь трагически парадоксальны, то как нам *перестроить* прежнее, оптимистически-наивное, «просветительское» представление о «прогрессе»? Именно так приходится ставить вопрос, ибо динамика и основательность перемен, составляющие сам «дух современности», не оставляют нам шанса обратиться к таким подлинно радикальным альтернативам «прогресса», как «возврат в прошлое», «отказ от роста» (в духе первых докладов Римского клуба) или практическое воплощение утопии «small is beautiful». Именно невозможность *таких* альтернатив «прогресса» и обуславливает бесконечность современного спора о нем!

Есть два основных пути такой *перестройки*. Первый: от «прогресса» можно отсечь его «просветительские» нормативные и освободительные обещания и отождествить его с отладкой, или «совершенствованием», *определенных институтов*. Второй: связать «прогресс» именно с *делом освобождения* (даже не веря в то, что оно когда-либо приведет к установлению идеального общества свободы и социальной гармо-

нии), оценивая любые социальные институты на предмет их «прогрессивности» или «реакционности» по меркам того, в какой степени они способствуют или препятствуют освобождению тех, кто угнетен.

Первый путь перестройки понятия «прогресс» выражает его освоение правыми, или консервативными, силами (если «правизну» и «консервативность» связывать не с партийными самоназваниями, которые мало что значат в современной политике, а с устойчивыми политико-культурными и нравственными ориентациями). Второй путь — характерно «левое» преобразование идеи «прогресса» (типичное для альтер-глобализма, ряда «новых демократических движений», остаточных левых сегментов социал-демократии, некоторых протестных движений в третьем мире и т. д.).

Замечу попутно, что так называемое снятие противоречия между левым и правым «прогрессизмом», чего некоторые ждут, к примеру, от идеологического курса президента Медведева, — свидетельство либо непонимания логики, характера и причин современного дискурса о «прогрессе», либо соучастия, осознанного или неосознанного, в установлении идеологической гегемонии «правых» над «левыми» (частью чего является вытеснение «левых», освободительных интерпретаций «прогресса» из публичной сферы).

В принципе это — то же, что содействие утверждению в общественном сознании «прогрессизма» Барака Обамы. Последний, конечно, делает реверансы в адрес тамошних «униженных и оскорбленных» (но их по-своему делал даже одиозный Буш-младший со своим «консерватизмом сочувствия»), но Обама не допускает и тени сомнения в том, что для него дальнейший «прогресс» неотделим от тех самых структур олигархического финансового капитализма, которые ввергли мир в нынешний глобальный кризис и с умноженной силой многократно повторят сие в будущем. **Обамовский «прогрессизм» есть «прогрессизм» правого и консервативного толка**, что бы о нем ни говорили в

контексте американской партийной возни. Примерно то же самое можно сказать и о «прогрессизме» медведевском.

Для правого «прогрессизма» характерно то, что в философии называют «абстрактным эмпиризмом». «Прогресс», как мы сказали, отождествляется правыми с «совершенствованием» определенных институтов — «свободного рынка», «рациональной администрации», «глобальных коммуникаций» или «передовой науки». Все препятствующее «совершенствованию» таких *избранных* правыми «прогрессистами» институтов проходит по разделу «помех прогрессу», а все страдающее от такого «совершенствования» — по разделу «цены прогресса».

«Помехи» нужно преодолевать, а «цену» приходится платить. «Иного не дано». Это и есть абстрагирование от всего живого и конкретного социального контекста, в котором «прогрессу» *надлежит* осуществиться. И нет никаких существенных различий между реализацией «цивилизаторской миссии белого человека» в Африке в XIX веке и рыночными реформами на постсоветских пространствах в конце XX.

И в то же время этот **абстрактный «прогрессизм» эмпиричен**. Ведь в качестве институтов, с которыми он отождествляет «прогресс», берутся те, которые уже наличествуют как «факты». Эти «факты», экстраполированные в будущее, изображаются в качест-

ве «законов прогресса». Для Герберта Спенсера, великого борца за «прогресс» («эволюцию»), понимаемую как экспансия «свободного рынка» образца викторианской Англии, установка газовых уличных фонарей силами местных властей выглядела чудовищным посягательством на свободу предпринимательства и предзнаменованием грядущего деспотизма. Будущая свобода человечества неразрывно связывалась с полной свободой частной хозяйственной деятельности. Нынешние рассуждения о (счастливом) будущем человечества, обеспеченном свободным развитием уже глобального рынка, в плане аналитических достоинств ничем не превосходят указанные умозаключения Спенсера.

Левый «прогрессизм» всему этому противопоставляет историко-политическую конкретность. Он отстаивает **право страдающих от «прогресса» защищаться от него**. Такая защита далеко не всегда приносила победу, но часто она приводила к такой адаптации «прогресса» к реальным социальным контекстам, которая делала его менее варварским. Так мир и был спасен от того же «свободного рынка» викторианского образца. Думаю, это и есть та нравственно-политическая призма, сквозь которую стоит взглянуть на все те разновидности «прогрессизма», которые сделал предметом обсуждения своим вопросом «Русский журнал». ■

Специально для РЖ